

К. Симонов. Суворов
Военное издательство Военного Министерства Союза ССР
Москва
1950

П. Антокольскому

1. ОПАЛА

1798 год

- 1 Зима. Проспекты все впотьмах,
 То снег, то ростепель напала.
 Бьют барабаны. На домах
 Расклеены указы Павла.
 Их много этою зимой,—
 Один ещё не пожелтеет,
 Глядишь, другой уж сверху клеят:
 «Размер для шляп — вершок с осьмой,
 Впредь не носить каких попало,
 Впредь вальс в домах не танцовать,
 Впредь Машками, под страхом палок,
 Не смей ни коз, ни кошек звать...»
 Перед дворцом помост сосновый,
 На невском ледяном ветру,
 Здесь второпях возводят новый
 Холодный памятник Петру.
 Должно быть, в пику Фальконету,
 В нём будет все наоборот:
 В проекте памятника нету
 Руки, протянутой вперёд,
 Ни змея, ни скалы отвесной,—
 Он грузно станет на плите,
 Казённый и тяжеловесный.
 Да, времена теперь не те,
 Чтоб царь, раздетый, необутый,
 Скакал в опор бог весть куда...
 Из всех петровских атрибутов
 Вы палку взяли, господа;
 Ей освящённые уставы
 Нейдут у вас из головы.
 Давно развеян дым Полтавы,
 Ещё далёк пожар Москвы,
 Ржавеют в арсеналах пушки,
 Зато сияют кивера...
 Пять лейб-гвардейцев на пирушке

Решили, что царя пора...
Пора, а что — нам неизвестно.
Но у Гостиного двора
Кинжал какой-то житель местный
Купил, промолвивши: «Пора...»
Пора, а что — мы не дознались.
Но есть донос, что до утра
В трактире, в номере шептались,
Всё повторяли: мол, пора...
И в снег, и в хлябь, и в непогоду
Возводят замок у Невы,
Ещё в сырых подтёках своды,
А уж крутом копают рвы.
До света, обогнав зарю,
Везут кирпич дорогой зимней —
Такая спешка, словно Зимний
Стал подозрителен царю.
В вороньем гаме, в птичьем грае
И в неразборчивом «ура-а!»,
То каркая, то замирая,
К нему доносится: «Пор-р-а...»
Он с детства помнит это слово.
Он в страхе ищет до сих пор,
Где тот гвардеец, тот актёр
На роль Григория Орлова?
Как наперёд его узнать?
И ночью, в поисках измены,
Он сам выстукивает стены
И шпагой тычет под кровать.
И, съёжившись, поджав колена,
Не в силах до утра уснуть,
Решается попеременно
То всех сослать, то всех вернуть.
Санкт-петербургской ночью серой.
Пугая сторожей ночных,
Осатанелые курьеры
Несутся на перекладных;
Их возвращают с полдороги,
Переправляют имена:
«Снять ордена, запечь в остроги»,
«Вернуть. Простить. Дать ордена»
И в эту ночь к Ямской заставе
Курьер скакал во весь опор.
Он, у ворот коней оставив,
Вбежал на постоянный двор.
Потребовал стакан спиртного
И на закуску что-нибудь,
И, нахлобучив шляпу, снова
Готов бы ехать в дальний путь.
Но два проезжих офицера,
Пока не улетел в карьер,
Схватили за полу курьера:

«К кому вы, господин курьер?» —
«Да что вы, господа, как можно?!
Язык казённый под замком.
Но так и быть...» Он осторожно,
Чуть слышно крикнул петухом...

2 Господский дом в селе Кончанском
 С обеда погружён во тьму.
 Везде лампадки, как в мещанском
 Добропорядочном дому.
 Хозяин экономит свечи,
 Он скуповат по мелочам.
 Когда не спится, возле печи
 Он греться любит по ночам;
 Бывает, примостив лучину,
 В ночном шлафроке, босиком,
 Сев по-турецки на овчину,
 Играет в шашки с денщиком:
 «Опять ты, Прошка, пересилишь,
 Опять мне в дамках не бывать...» —
 «Тут нужен ум, Лексан Василич,
 Ведь это вам не воевать.
 Ну, проигрались, что за горе?
 Вам нынче в шашки не с руки,
 По нынешним годам в фаворе
 Те, кто умеет в поддавки...»
 Суворов знает — Прошка снова
 Всё то же скажет, что вчера.
 И всё ж готов он до утра
 Сидеть и слушать слово в слово,
 Что Прошка скажет, как польстит.
 Нет, Прошка лестью не унижен;
 Его хозяин стар, обижен,
 На батюшку-царя сердит.
 При матушке Екатерине
 Он на другой манер серчал:
 Прижмут ли, обойдут ли в чине,—
 Бывало, бегал да кричал.
 А нынче счёт забыл обидам.
 Сидит, молчит, не дует в ус.
 Но Прошку не обманешь видом,
 Он знает твой и нрав и вкус.
 Пусть для других умён да тонок,
 Пусть для других ты генерал,
 А с Прошкой в бабки ты играл,
 Для Прошки ты всю жизнь ребёнок
 Он знает, чем утешить кстати:
 То вдруг с три короба наврёт,
 То петь начнёт, то Павла татем,
 Курносым немцем назовёт.
 И, в Прохоре души не чая,

Ты только для порядку, зря,
Прикрикнешь, будто бы сердчая.
Чтоб он не смел так про царя;
А сам уж шлешь его к буфету,
Пусть там пошарит по углам,
Да принесёт графинчик к свету,
Запить обиду пополам.
Вот и сейчас — слышать отсюда —
Он отмыкает поставец,
И тихо тренькает посуда,
Как еле слышный бубенец...
Но что за навожденье! Прощка
Уже давно пришёл с вином,
А звон стеклянный за окном
Ещё летит по зимним стёжкам.
Ещё летит, и вдруг — к дверям,
Так громко, словно бьют бокалы,
И если б волю дать коням,
Так тройка б в двери проскакала...
Дверных запоров треск мгновенный,
Шум раздвигаемых портьер,
И в дверь полуторасаженный
Влезает, весь в снегу, курьер.
Лампадки словно ветер сдул,
Во всём дому дрожат стаканы,
И сам Суворов, встав на стул,
Целует в щёку великана.
«Скакал? Коням намылил холки?
Небось, война, коли за мной?
Эй, Прощка! Дай мундир мне с полки,
Готовь карету четвернёй!»
Он наискось рванул пакет —
Там был рескрипт о возвращенье,
Не прощенное им прощенье,
А про войну — и слова нет.
«Эх вы, гоняете без толку,
Напрасно будите людей!..
Не надо, Прощка, лошадей,
Мундир обратно спрячь на полку!
А ты, курьер, моя душа,
Не сетуй, что скакал задаром.
Берёзовым кончанским паром
Попарься в баньке не спеша;
Поспишь, управишься с обедом,
Пропустишь стопку и лети...
Глядишь, по твоему пути
И я в субботу тронусь следом.
А что сердито говорю,
Ты не горюй. Не ты в ответе,
Что б ни привёз курьер в пакете,
За быстроту — благодарю».

.....

В субботу, взяв с собой рескрипт,
Суворов выехал в столицу.
И вот полозьев мёрзлый скрип —
И по бокам пошли стелиться
Поля... поля. Через поля
Весь день трусить своей дорогой
И к ночи, печку запала,
Заснуть в избе. А утром: трогай!
Да не спеша. Чай, позван он
Не для войны, не для похода...
А коли так, то есть резон
Сослаться на болезнь, на годы,
На что угодно. Подождут.
На что ты им? У них в наградах
Не тот, кто штурмом брал редут,
А тот, кто мёрз на вахтпарадах.
Уж не затем ли нам спешить,
Чтоб в первый день, боясь доноса,
Мундирчик с фалдочками сшить
И прицепить, к сединам косу?
Слуга покорный! Он глядит
В заиндевшее окошко.
В кибитке рядом с ним сидит
Его денщик и нянька — Прошка.
«Эй, Прошка! Прошка!» — Прошка
Он пахнет водкой и капустой.
Опять напился! Стук копыт, —
То столб, то крест, то снова пусто,
Копыта месят снег и грязь,
Возок то вниз, то вверх взлетает.
Фельдмаршал, к стенке прислонясь,
Плутарха медленно листает.

- 3 Он под военную трубой
Был вскормлен, вспоен и воспитан.
И добрый барабанный бой
Не раз в бою им был испытан.
На неприступный Измаил
Ведя полки под вражьи клики,
Он барабанный бой ценил
Превыше всяческой музыки.
Но то, что нынче над Невой,
На барабан не походило,
И день и ночь по мостовой,
Как будто градом колотило,
Сквозь снег, сквозь волн балтийских плеск
Однообразно, как машина,
Воловьих шкур унылый треск
И прусских дудок писк мышиный.
Фельдмаршал ждал в приёмном зале
И слушал барабанный стук.

«И так всю жизнь?» — Ему сказали,
Что так всю жизнь. Что от потуг
На барабанах рвутся шкуры.
В них снова лупят, починя.
На потолках дрожат амуры,—
Один упал третьего дня.
Сильнее прежнего курнос,
Царь в зал вбежал, заткнув за лацкан
Ещё не читанный донос.
Фельдмаршал был весьма обласкан.
Еще с порога спрошен: «Где же
Наш русский Цезарь?» Обольщён.
И надо ж быть таким невежей
И грубым чудаком, как он,
Чтобы, зевнув на комплименты,
Перевести тотчас же речь
На контрэскарпы, ложементы,
Засеки, флешы и картечь;
Ворчать, что зря взамен атак
На смотры егерей гоняют,
И долго шмыгать носом так,
Как будто во дворце воняет.
Здесь всё по-прусски, не по нём.
Царь вышел вместе с ним на площадь
Там рядом с Павловым конём
Ему была готова лошадь.
И, вылетев во весь карьер,
Поехали вдоль фронта рядом —
Курносый прусский офицер
С холодным оловянным взглядом
И с ним, бок-о-бок, старичок,
Седой, нахохленный, сердитый,
Одетый в лёгкий сюртучок
И в старый плащ, в боях пробитый.
Нет, он не может отрицать —
Войска отличный вид имели.
Могли оружием бряцать
И ноги поднимать умели.
Не просто поднимать, а так,
Что сбоку видишь ты — ей-богу! —
Один шнурок, один башмак,
Одну протянутую ногу.
А косы, косы, а мундир,
Крючки, шнурки, подтяжки, пряжки,
А брюки, пригнанные к ляжкам
Так, что нельзя попасть в сортир.
Но это ничего. Солдат
Обязан претерпеть лишения.
Мундирчик тоже тесноват —
Неловко в нём ходить в сраженья.
Зато красив! Вселяет страх!
Тотчас запросят турки миру,

Завидев полк в таких мундирах,
В таких штанах и галунах.
Но дальше было не до шуток.
Полк за полком и снова полк —
И все, как дерево, и жуток
Вид плоских шляп, кургузых пол.
Нелепых кос. Да где ж Россия?
Где настоящие полки,
Подчас раздетые, босые,
Полмира бравшие в штыки?
Фанагорийцы, гренадеры,
Суворовцы? Да вот они —
Им дали прусские манеры
И непотребные штаны;
Им гатчинцы даны в капралы,
Их отучили воевать,
Им старого их генерала
Приказано не узнавать.
Но сквозь их косы, букли, пудру
Он сам их узнаёт. И — врешь! —
Ещё придёт такое утро,
Когда он станет вновь хорош.
И, наплевав на все доносы,
В походе в первый день войны
Рассыплет пудру, срежет косы
И перешить велит штаны.
Он рысью тронул вдоль квадрата
Молчавших войск. Но за спиной
Уже кричал ему штабной:
«Велит вернуться император!» —
«Скажи царю, что я не волен
Исполнить то, что он велит.
Скажи царю: Суворов болен,
Мол, брюхо у него болит...»

- 4 На целый город разговору —
Кого фельдмаршал посетил,
Что нынче говорил Суворов,
Над чем он давеча шутил.
О шпагах вышло повеленье —
Носить их, как у пруссаков,
Ремень по самые колени,
Эфес почти у башмаков;
Она по пяткам била вечно
И с громом путалась у ног.
Такого случая, конечно,
Фельдмаршал упустить не мог.
Намедни, отворив карету,
Он вдруг застрял на полпути,
Представясь, будто шпага эта
В карету не даёт взойти.

Уж он со шпагой так и этак
Карету обходил кругом,
И в дверцу лез, и напоследок,
Махнув рукой, пошёл пешком.
Да где ж он сам? В дому Хвостова
Живёт, молвою окружён;
Держась обычая простого,
С утра больную ногу он
Оденет в тувфель крымский красный,
А на здоровую — сапог,
Камзол натянет канифасный,
Чтоб не простыл пробитый бок.
Напьётся вместе с Прошкой чаю,
Газету спросит. У окна,
Своим бездействием скучая,
Сидит почти что дотемна.
Весь день, сведённые в квадраты,
По улице идут солдаты.
У них то нос, то рот, то лоб
От частого битья опухли.
Их лакированные туфли
По русской грязи шлёп да шлёп,
Да что греха таить! Как прежде,
Он жаждет славы, звёзд, крестов
И геральдических листов,
И громких титлов. Он в надежде
Еще служить. И в час, когда
В дому клеветов не бывает,
Достав мундир, он иногда
Его по форме одевает.
Пока Суворов жив, пока
Не гнёт он старые колена,
Ещё надежда есть в полках,
Что армия уйдёт из плена
Голштинских палок и затей,
Что гатчинцев ещё удавят.
И в гарнизонах ждут вестей,
Что вновь Суворов службу правит.
Просить пардону? Не дождутся.
Зато он нынче попросил
Пустить домой. Мол, обойдутся
И без него... Дождь моросил,
С залива ветер креп под вечер,
Кругом ни плошек, ни огней.
Давно пора зажечь бы свечи,
Да при свечах ещё тошней.

- 5 Взяв дозволенье на дорогу,
Он утром выехал. Кругом
Бой барабанов. Трогай, трогай!
Вот дом с последним кабаком;

Мелькают фалды, шляпы, шубы...
Вот и шлагбаум промелькнул.
Присвистнув, кучер вскинул чубом
И в поле круто завернул.
Копыта месят снег и грязь;
Возок то вниз, то вверх взлетает.
Фельдмаршал, к стенке прислонясь,
Плутарха медленно листает.

2. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

1799 год

- 1 В швейцарском городке Таверна
Суворов дал привал войскам.
Ночь выдалась дождливой, скверной
Туман сползал по ледникам,
Ветра с предгорий, как в мешок,
В тавернскую долину дули;
Как будто в Пскове или в Туле,
Холодный сыпался снежок.
И новобранцам было странно,
Что здесь, за тридевять земель,
В заморских иностранных странах
Бывает тульская метель,
Что здесь, у речки, мужики,
Как под Калугой, сено косят,
Что бабы в праздники здесь носят
Почти рязанские платки.
Уже не первый день в походе,
Далёко занесло солдат.
Они привыкли и к погоде,
И к виду итальянских хат.
Они привыкли каждый раз
В обед, по-здешнему, в сиесту,
Пить виноградный кислый квас,
Есть длинное, как нитки, тесто.
Но как привыкнуть им к тому,
Что, сединами убелённый,
Прямой сенатор по уму,
Сам ихний писарь батальонный
И тот не мог ответить им,
Чего они здесь не видали,
Зачем они в такие дали
Зашли с фельдмаршалом своим.
Эх! Если б им сказать, что дома
Их встретит завтра теплый кров,
Жена и дети, жар соломы,
Березовое пенье дров!

Но где там! Вместо бани парной,
Родного дома и жены, —
Со старой девою-казармой
Они навек обручены;
Вновь будет тот же плац в предместье,
Где палки дискантом поют,
Где то тебя другие бьют,
То ты других, то всех вас вместе.
Нет хуже лямки гарнизонной!
Нам легче десять ран в бою,
Ночлег бездомный, марш бессонный
И даже смерть в чужом краю.
Здесь штык ценней, чем галуны,
Здесь даже ротный бросил драться.
Как мир, так — «сукины сыны»,
А как война, так сразу — «братцы»
Здесь, если фуражир крадёт
И квартирмейстер нас не кормит, —
Суворов сук для них найдёт
И по солдатской просьбе вздёрнет.
Фельдмаршал впереди полка
Летает на коньке крылатом;
«Вперёд, орлы! Вперёд, ребята,
Не подведите старика!»
Что ж, мы его не подведём,
Всё сделаем, как он прикажет,
Да только жаль: домой придём —
Спасибо нам никто не скажет.
По дому так грызёт тоска,
Что офицеров не спросили,
От них секретом два лужка
Швейцаркам здешним накосили;
Поднялись рано, до зари;
Свистели травы луговые
Так, словно вновь мы косари,
А не солдаты фрунтовые.

- 2 Георгий прицепив к рубашке,
Зевнув, перекрестивши рот,
Суворов вышел нараспашку
И сел на лавке у ворот.
Штабной принёс ему газету.
Суворов, посмотрев мельком,
Свернул газету, колпаком
И голову прикрыл от света.
Как под Москвой с горы Поклонной,
Был сразу виден целый край:
Путь вниз — в оливковый, лимонный
Заросший виноградом рай,
Путь вверх — по грифельным отрогам,
По снежным голубым венцам,

По заживавшимся, багровым,
И снова гаснувшим зубцам.
А здесь, еще как до войны,
Всё так же засевают нивы,
В фаянсовые кувшины
Поджарых коз доят лениво.
Суворов нехотя смотрел
На коз, на девочку-швейцарку...
Он за год сильно постарел.
Ему то холодно, то жарко,
Всё чаще тянет на сенник,
Всё реже посреди беседы
В нём оживает озорник,
Седой буян и непоседа.
А кажется, ещё недавно,
Когда он Вену посетил,
Там над приезжим лордом славно
Он по старинке подшутил:
Четыре дня подряд являлся
К обеду в спущенном чулке,
И англичанин удивлялся
Такой причуде в старике.
Ну, что же, пусть предаст огласке,
Чтоб знал британский кабинет,
Что у фельдмаршала подвязки,
Бишь, ордена Подвязки нет...
Теперь не то: он сам теперь
Стал подозрительней и суше —
Нет-нет и вдруг отворит дверь,
Грозясь обрезать чьи-то уши.
Австрийский генерал-бездельник
Опять недодал лошадей,
А из России ни вестей,
Ни пушек, ни полков, ни денег.
Ну что же, ладно! Только жаль,
Никак солдатам не втолкуешь,
Зачем зашел в такую даль,
За что с французами воюешь.
Бывало скажешь им: за степи,
За Черноморье, за Азов!
Вослед полкам тянулись цепи
Переселенческих возов...
А тут — как об стену горохом,
Тут говоришь, не говоришь —
Рязанцы понимают плохо,
На кой им шут сдался Париж.
«Эй, Прошка!» — «Что?» —
«Послушай, Прошка,
Ведь всё-таки фельдмаршал я.
А ты мне, старый чорт, белья
Не хочешь постирать ни крошки.
Вот царь велит мне взять Париж,

Одержим мы с тобой победу,
А ты напьёшься, задуришь, —
Так без рубашки я и въеду?». —
«Я б рад стирать, да нелегко,
Погода всё стоит сырая.
А до Парижа далеко —
Весь гардероб перестираю.
Да вы бы лучше, чем сердиться,
Сапожки б взяли да палаш,
Да сверху б натянули плащ —
Недолго ведь и простудиться».
Снег перестал. Шел ветер с моря,
Дрожали первые лучи,
Надувши щеки, трубачи
По всем полкам играли зорю.
И конский храп и трубный плач
Летел по сонным переулкам
И, отскочив от стен, как мяч,
Об землю ударялся гулко.
На горном голубом ветру,
Как пробки, хлопали знамена,
За пять минут, как на смотру,
Выстраивались батальоны.
Суворов вышел на задворки,
Там запоздавшие: одни
Белили второпях ремни,
Другие штопали опорки.
Какой-то рослый новобранец,
Вспотевши, расстегнув мундир,
Никак не мог засунуть в ранец
Дарёный жителями сыр.
«Не можешь, немогузнайка!
Ну, ладно, счастье, брат, твоё,
Что мне попался. Сыр подай-ка
Да крепче в пол упри ружьё».
Суворов, как татарин, важно
Приготовляющий шашлык,
Взял сыр, слезящийся и влажный,
И насадил его на штык.
«А коли будут разговоры,
Начнёт тебя бранить сержант,
Скажи ему, что сам Суворов
Отвёл штыки под провиант».

.....
Последний егерский отряд
Поспешно втягивался в горы.
Почти над каждым из солдат,
Как раз на штык пришедшись впору,
Слезами молча обливаясь,
Изнемогая от жары,
Шагали в ногу, не сбиваясь,
Русско-швейцарские сыры.

3 Уже в горах ему сказали,
Что путь на Сен-Готард закрыт.
Он огляделся — грозный вид!
По скалам в пропасти сползали
И пропадали облака.
Внизу орёл парил устало,
И узкая, как нож, река,
С камней срываясь, клокотала.
Тогда, оборотясь к солдатам,
Он крикнул: «Русские снега
От нас далёко. Что ж, ребята,
Возьмём хоть эти у врага».
Старик шутил, но всякий знал:
Коль шутит он, так жди, что скоро
Махнёт рукой, подаст сигнал
Напропалую через горы.
Фельдмаршал наш — орёл-старик,
Один грешок за ним — горячка:
Хоть на локтях, хоть на карачках
Ползти заставит напрямик.
Он на биваке дров достанет,
Из-под земли харчи найдёт,
Зато беда — кто в бой отстанет,
В атаку мешкотно пойдёт.
Под ядрами, не дуя в ус,
На роту роту полк уложит
И полк на полк, пока доложат,
Что тыл нам показал француз.
При Нови жаркий приступ был.
Мы трижды их атаковали.
Они нас трижды выбивали.
Завидев полк, идущий в тыл,
Старик примчал в одной рубахе;
Слетев с казацкого седла,
Перед полком, молчавшим в страхе,
Катался по земле со зла.
...Что ж, мы пошли в четвёртый раз
И взяли Нови!.. Шли солдаты,
Сержант припоминал Кавказ,
Где он с полком бывал когда-то.
Кусая ус, седой капрал
Глядел на выси Сен-Готарда
И новобранцам бойко врал,
Что заготовлена петарда,—
Вот как забьют да запалят...
Скользя, взбираясь вверх по тропке,
Суворов объезжал отряд;
На вьючной лошади, в коробке,
Везли и жезл и ордена, —
Они нужней ему в столице.

С одним Георгием в петлице,
В мундире грубого сукна,
Он проскакал вперёд по мосту.
Дощечки тонкие тряслись.
Свистали пули. Аванпосты
Уже с французами сошлись
И первый натиск задержали
Так начинался Сен-Готард.

Костров, иль господин Державин,
Или иной российский бард
Уже пальбу отсюда слышит
И, вдохновением горя,
Уже, наверно, оду пишет,
С железной лирой говоря:
«Се мой (гласит он) воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах.
Вождь бурь, полночного народа,
Девятый вал в морских волнах».
Средь воинских трудов суровых
Фельдмаршал муз не забывал.
Пиите бедному, Кострову,
По сто червонцев выдавал,
И все эпистолы и оды,
Всё, в чем пиита льстил ему,
В секретном ящике комода
Хранилось в кобринском дому.

По чёрным скалам стлался дым,
Уж третий час, как батальоны
Вслед за фельдмаршалом своим
Карабкались по горным склонам.
Скользили ноги лошадей,
Вьюки и люди вниз летели.
Француз на выбор бил. Потери
Давно за тысячу людей.
Темнело... А Багратион
Ещё не обошёл французов.
Он, бросив лошадей и грузы,
Взял гренадерский батальон
И сам повёл его по кручам
Глубоко в тыл. Весь день с утра
Они ползли всё ближе к тучам;
Со скал сдували их ветра,
С откосов обрывался камень,
Обвал дорогу преграждал...
Вгрызаясь в трещины штыками,
Они ползли. Суворов ждал.
А время шло, тумана клочья
Спускались на горы. Беда!

Фельдмаршал приказал хоть ночью
Быть в Сен-Готарде. Но когда
Последний заходящий луч
Уже сверкнул за облаками,
Все увидали: выше туч,
Край солнца зацепив штыками,
Там, где ни тропок, ни следов,
От ветра, как орлы, крылаты,
Стоят на гребне синих льдов
Багратионовы солдаты.

- 4 Француз бежал. И на вершину.
Пешком взобравшись по горе,
У сен-готардских капуцинов
Заночевав в монастыре,
Суворов первый раз за сутки
На полчаса сомкнул глаза.
Сквозь сон ловил он слухом чутким,
Как ветер воет, как гроза
Гремит внизу у Госпиталья.
Нет, не спалось... Затмив луну,
По небу клочья туч летали.
Он встал к открытому окну,
В одном белье и необутый.
Холсты палаток ветер рвал,
Дождь барабанил так, как будто
На вахтпараде побывал.
Нет, не спалось... Впервые он
Такую чувствовал усталость.
Что это? Хворь иль скверный сон?
И догадался: просто старость.
Да, старость! Как ни говори,
А семь десятков за плечами!
Всё чаще долгими ночами
Нетерпеливо ждёт зари;
И чтоб о старости не помнить,
Где б штабквартира ни была,
Завешивать иль вон из комнат
Велит нести он зеркала.
«Послушай, Прошка!» Всё напрасно,
Как ни зови — ответа нет.
Лишь прошкин нос, от пьянства красный,
Посвистывает, как кларнет,
И всем бы ты хорош был, Прохор,
И не было б тебе цены,
Одно под старость стало плохо:
Уж больно часто видишь сны.
И то ведь правда: стар он стал —
То спит, то мучится одышкой,
И ты давно уж не капрал,
И Прошка больше не мальчишка.

И старость каждого из вас
Теперь на свой манер тревожит:
Один — сомкнуть не может глаз,
Другой — продрать никак не может.
Из темноты, с доски каминной,
Вдруг начали играть часы.
Сперва скрипучие басы
Проскрежетали марш старинный,
Потом чуть слышная свирель
В углу запела тонко-тонко.
Суворов вспомнил: эту трель
Он слыхивал ещё ребёнком.
Часы стояли у отца
На полке, возле русской печки;
Три белых глиняных овечки
Паслись у синего дворца.
На башне начинался звон —
Вверху распахивалась рама,
И на фарфоровый балкон
Легко выскакивала дама...
Нащупав в темноте шандал,
Он подошёл к часам со свечкой.
Всё было так, как он и ждал —
И луг, и замок, и овечки,
Но замок сильно полинял
И три овечки постарели,
И на условленный сигнал
Охрипшей старенькой свирели
Никто не вышел на балкон.
Внутри часов заклокотало,
Потом раздался хриплый звон,
Пружина щёлкнула устало...
Часы состарились, как он. —
Они давно звонили глухо,
И выходила на балкон
Уже не дама, а старуха,
Потом старуха умерла.
Часы стояли опустело,
И лишь пружина всё гнала
Вперёд их старческое тело.
«Глагол времён — металла звон.»
Он знал, прислушавшись к их ходу,
Что в Сен-Готарде начал он
Последний из своих походов.

- 5 Прорвавшись в Муттен, он узнал
От муттентальского шпиона,
Что Римский-Корсаков бежал,
Оставив пушки и знамёна,
Что все союзники ушли, —
Кругом австрийская измена,

И в сердце вражеской земли
Ему едва ль уйти от плена.
Что значит плен? Полвека он
Учил полки и батальоны,
Что есть слова: «давать пардон»,
Но нету слов: «просить пардону».
Не переучиваться ж им!
Так, может, покориться року
И приказать полкам своим
Итти в обратную дорогу?
Но он учил за годом год,
За поколеньем поколеньем,
Что есть слова: «итти вперёд»,
Но нету слова: «отступленьем».
Пора в поход вьюки торочить!
Он верит: для его солдат
И долгий путь вперёд короче
Короткого пути назад.
Наутро созван был совет.
Все генералы крепко спали,
Когда фельдмаршал, встав чуть свет,
Пошёл бродить по Муттенталю.
В отряде больше нет, хоть плачь,
Ни фуража, ни дров, ни хлеба.
Четыреста голодных кляч
Трубят, задравши морды к небу.
В разбитой наскоро палатке
Вповалку егеря лежат,
У них от холода дрожат
Кровавые босые пятки.
Пять суток без сапог, без пищи,
По острым, как ножи, камням;
Кто мог, обрывки голенища
Бечёвкой прикрутил к ступням.
Где повалились, там и спали.
Иные, встав уже с утра,
Сырые корешки копали,
Сбирали ветки для костра
И шкуру павшего вола
Штыками на куски делили
И, навернув на шомпола,
На угольях её палили.
Пусты сухарные мешки,
Ремнём затянуты покорно,
Гудят голодные кишки,
Как гренадерская волторна.
Поправив драную одежду,
Встают солдаты с мест своих
И на него глядят с надеждой,
Как будто он накормит их.
Но сам он тоже корки гложет,
Он не Христос, а генерал, —

Из корок, чорт бы их побрал,
Он сто хлебов испечь не может!
Он видел раны, смерть, больницы,
Но, может прошибить слеза,
Когда глядишь на эти лица,
На эти впалые глаза.
На ворохе гнилой соломы
Стоял у полковой казны
Солдат, фельдмаршалу знакомый
Чуть не с турецкой ли войны.
Ещё с Козлуджи, с Туртукая...
Стоит солдат, ружьё в руках.
Откуда выправка такая,
Такая сила в стариках?!
Виски зачёсаны седые,
Ремень затянут вперехват,
И пуговицы золотые,
Мелком начищены, горят.
Как каменный на удивленье,
Стоит солдат, усы торчком;
В парадной форме по колени,
А ниже формы — босиком.
Подгрёб себе клочок соломы,
Ногой о ногу не стучит.
А день-то свеж, а кости ломит,
А брюхо старое бурчит,
А на мундире десять дыр,
Из всех заплаток лезет вата.
Суворов подошёл к солдату,
Взглянул на кивер, на мундир,
Взглянул и на ноги босые...
И, рукавом содрав слезу, —
От ветра, что ль, она в глазу? —
Спросил солдата: «Где Россия?»
Когда тебя спросил Суворов»
Не отвечать — помилуй бог!
И гренадер без разговоров
Махнул рукою на восток.
Суворов смерил долгим взором
Отроги, пики, ледники.
По направлению руки
На сотни вёрст тянулись горы;
Чтоб через них пробиться грудью,
Придётся многим лечь. Жесток
Путь через Альпы на восток.
Вздымая на горбу орудья,
Влезать под снегом, под дождём
На стосажённые обрывы...
«И всё-таки ты прав, служивый,
Как показал, так и пойдём!»
.....
С рассветом возвратившись в дом,

Где ждал совет его, впервые
Он все отличья боевые
Велел достать себе. С трудом
Одел фельдмаршальский парадный
Мундир из тонкого сукна,
Поверх мундира все награды,
Все звёзды, ленты, ордена:
За Ланцкорону, Прагу, Краков,
За Рымник, Измаил и Брест,
Перо с алмазом за Очаков
И за Кинбурн алмазный крест.
Подул на орденские ленты,
Пылинки с обшлагов стряхнул,
Потом, оправив эполеты,
С усмешкой на ноги взглянул:
Не лучше своего солдата,
Стоял он чуть не босиком,
Обрывком прелого шпагата
Подмётка сшита с передком.
Ещё — спасибо — верный Прошка,
Как только станешь на привал,
Глядишь, то плащ зашил немножко,
То сапоги поврачевал.
За дверью ждали господ —
Полковники и генералы;
Его счастливая звезда
Их под знамёна собирала.
Дерфельден, и Багратион,
И Трубников... Но даже эти
Молчали, присмирив, как дети,
И ждали, что им скажет он.
Казалось, недалёко сдача.
Кругом обрывы, облака.
Ни пуль, ни ядер. Старика
В горах покинула удача.
Войска едва бредут, устав,
Фельдмаршал стар, а горы круты...
Но это всё до той минуты,
Как он явился. Увидав
Его упрямо сжатый рот,
Его херсонский плащ в заплатках,
Его летящую вперёд
Походку старого солдата,
И волосы его седые,
И яростные, как гроза,
По-стариковски молодые
Двадцатилетние глаза,
Все поняли: скорей без крова
Старик в чужой земле умрёт,
Чем сменит на другое слово
Своё любимое — вперёд!

6 Последний горный перевал...
На Рингенкопфе пела вьюга,
Холодный ветер завывал,
Гуськом, хватаясь друг за друга,
Ползли солдаты. Ни кирки,
Ни альпенштока. Ветер в спину.
Перевернувши карабины,
Шли, опираясь на штыки.
Подряд, как волны в океане,
У ног катились облака.
Протянешь руку — и рука
Сейчас же пропадёт в тумане.
По сторонам тропы лежали
Обледенелые тела.
Эй, чур, не плакать! Как ни жаль их,
Но где добудешь им тепла,
Где шуба, чтобы их согреть,
Где заступ — вырыть им могилу,
Где хоть фонарь, чтоб через силу
В глаза умершим посмотреть?!
Сегодня, заклепавши туго,
Швырнули пушки под откос.
Вся орудийная прислуга
Глядела вниз, давясь от слёз.
А пушки падали, стуча,
Подпрыгивая на откосах,
Теряя в воздухе колёса
И медным голосом крича.
Суворов едет рядом с нами.
Он еле жив, два казака;
Вплотную съехавшись конями,
Подмышки держат старика.
Пускай тиранит лихорадка,
Горит в груди, во рту горчит —
Суворов по свой повадке
Всё ёрничает да ворчит.
Артиллеристам помогая
Забуть про гибель батарей,
Австрийцев матерно ругает
Под громкий хохот егерей.
И, вдруг заметив, что отряд
Опять в дороге унывает,
Он для босых своих солдат
Тверскую песню запеваёт:
«Ах, что же с девушкой случилось,
Ах, что же с красной за беда?
Она все лапотки стоптала,
Не может выйти никуда».
Ни разу ни одни войска
Ещё не шли по этим тропам.
На них взирает вся Европа,

Во всех углах материка
Гадают, спорят и судачат:
Пройдут они, иль не пройдут,
Что ждёт их — гибель или сдача?
Пусть их гадают! Только тут,
Среди лишений и страданий,
Среди камней и снежных груд,
Солдаты знали без гаданий,
Что русские везде пройдут!

- 7 Последний ледяной ночлег,
Вповалку с ружьями, с конями,
Друг друга прикрутив ремнями,
Плашмя ложились прямо в снег.
Где не улечься — долго щели
Искали в каменной стене
И, штык всадивши, на ремне
Всю ночь над пропастью висели.
Два неизменных казака,
Как ехали весь день, так оба
Легли с Суворовым бок-о-бок,
Не выпуская старика.
У казаков глаза слипались,
А он никак заснуть не мог.
Ночь непроглядная, слепая
Закрыла от него восток.
Он неподвижными глазами
Смотрел вперёд на гребень льда,
За край последних туч, туда,
Где за горами, за долами,
За пограничными столбами,
В слезах, в распутице, в морозах,
В сквозных владимирских берёзах,
В зелёных волнах ковыля
Лежала битая, штрафная,
Стократ проклятая, родная,
До слёз знакомая земля...

3. ОДИНОЧЕСТВО

1800 год

- 1 По крайним улицам без света,
Стараясь проскочить скорей,
В столицу въехала карета
Без гайдуков и фонарей.
Солдат, стоявший у заставы,

Ей путь загородил штыком,
Намереваясь по уставу
Дознаться, кто в ней седоком.
Но кучер с козел наклонился
И что-то на ухо шепнул:
Солдат с пути посторонился
И молча взял на караул.
Минуя караульный пост,
Карета быстро поскакала
Сперва через Торговый мост,
Потом вдоль Крюкова канала
И с громом стала у крыльца.
Два денщика, согнувши спины,
Из дверец вынесли перину
И, взяв её за два конца,
Пройдя вдоль тёмных коридоров,
Внесли в покой. Под простынёй
В жару, простуженный, больной,
Закрыв глаза, лежал Суворов.
Он, застонав от боли, Прошку
Костлявым пальцем поманил,
Чтоб тот бельё переменял
И в кресла посадил к окошку.

- 2 Суворов при смерти. С утра,
К нему слетевшись, как вороны,
Шныряют в доме доктора,
Прогуливаются шпионы;
А ближние зайти не смеют,
Боясь немилости двора.
Один лишь Прошка вечера
С ним коротает, как умеет.
Прозябнув, съёжившись в комок,
Больной укутан в две шинели
Уже которую неделю
Никак согреться он не мог.
То одеялом и платком
Прикроет Прошка, то к затылку
Из-под шампанского бутылку
Прижмёт, наливши кипятком,
То руки, синие, как лёд,
Себе за пазуху положит
И держит ночи напролёт,
Как будто отогреть их может.
Но как ни грей их, всё равно —
Что пользы в том, когда наружу
Весь день отворено окно
И в комнате такая стужа...
«Скорей закрой окно!» — «Да что
Вам померещилось! Окно?
Чай, с осени на все засовы

Уж заколочено оно.»
И Прошка пальцем сколупнёт
Кусок замазки с зимней рамы
И в доказательство упрямо
Её показывать начнёт.
«Да, показалось... Но откуда
Так дует ветер, словно с гор?
Ещё альпийская простуда
Не отпускает до сих пор.
Метель кружится по отрогам,
Того гляди, сметёт на дно...
Пока не поздно, ради бога,
Закройте кто-нибудь окно!..»
И чтобы не сердить больного,
Придётся Прошке встать к окну
И, створку отодрав одну,
Тотчас её захлопнуть снова.
«Ну вот, как будто и теплей,
Теперь совсем другое дело...
Да кипятку в бутылку подлей,
Что б кровь в висках не холодела».
Сейчас потряхнуть бы стариною,
Воды черпнувши из Невы,
Вдруг нестерпимой, ледяною
Обдаться с ног до головы.
Клин клином вышибить! Но где там
Когда не шевельнуть рукой,
Когда, небось, уж гроб с глазетом
Давно заказан в мастерской!
Всё можно взять у человека:
Чины, награды, ордена,
Но та холодная страна,
Где прожил он две трети века,
И синие леса вдали,
И речки утренняя сырость,
И три аршина той земли,
Скупой и бедной, где он вырос,
Земли, в которую его
Вдвоём со шпагою положат,—
Её ни месть, ни плутовство,
Ничто уже отнять не сможет.
Среди хлопот, обычных дел
Он редко замечал природу,
Но вдруг сегодня захотел
К песчаному речному броду
Подъехать на рысях в жару
И жадно воду пить из горсти;
Или, к своим оброчным в гости
С ружьём забравшись поутру,
Из камышей пальнуть по уткам;
А коли на дворе зима —
По новгородским первопуткам

Скакать в лесу, чтоб бахрома
С ветвей за шиворот, чтоб тело
Кололо снегом, чтоб лиса,
Как огненная полоса,
Вдруг за стволами пролетела...
Разжечь костёр, чтоб вдруг в дыму
Вспорхнула вспугнутая галка...
Всё это вовсе ни к чему —
Да умирать уж больно жалко!
И, Прошку с толку сбив, теперь.
Когда все щёлочки заткнули,
Он просит, чтоб открыли дверь
И окна настезь распахнули.
«А помнишь, Прошка, в Измаиле
Как ты горячкою хворал?» —
«Ещё б не помнить! Был в могиле,
Да бог раздумал, не прибрал». —
«Ты вспомни, Прошка, ты, похоже,
Почти, как я, болел в те дни:
Я рук не подниму — ты тоже
Не мог поднять их с простыни,
И кости у тебя болели,
И лоб, как у меня, потел...
И уж не думал встать с постели,
А помирать всё не хотел.
Сперва садился на кровать,
Потом ходил, держась за стену...
Вот так и я, глядишь, опять
И встану и мундир надену...
Что плачешь? Думаешь, не встать?
Сам знаю — время в путь-дорожку.
Начнёт за окнами светать,
Один, как перст, ты будешь, Прошка
Да разве ты один такой?
Пересчитай полки и роты —
Как только выйду на покой,
Все будут без меня сироты...»
Но Прошка, привалясь к стене,
Не выдержав ночей бессонных,
Уже дремал и монотонно
Поддакивал ему во сне...
И ни души кругом... Ну, что же,
Пока ты важный господин,
Так все готовы лезть из кожи,
А умирать — так ты один...
Он поспешил глаза смежить,
Чтоб не прочли в последнем взоре
Безумную надежду жить,
Людское, будничное горе.

На бархате ряды регалий,
Оркестры медным шагом шли,
Полки армейские шагали.
Чтоб этим оскорбить хоть прах,
В эскорт почётный, против правил,
В тот день заняв их на смотрах,
Полков гвардейских не дал Павел.
Ну, что ж! Суворов, будь он жив,
Не счёл бы это за обиду;
Он, полстолетья прослужив,
Привык к походному их виду,
Он с ними не один редут
Взял на веку. И, слава богу,
За ним в последнюю дорогу
Армейские полки идут.

1938–1939